

№ 44.
ЕЖЕНЕДЪЛНО.
1915 г.

-56

1-я экз.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЦѢНА 10 К.
ПЕТРОГРАДЪ.
ЮЛЬ.

82

Англійскій развѣдчикъ-кавалеристъ.

Условия подписки
 съ доставкой и
 пересылкой по
 всей России:
 на годъ . 4 р. — к.
 „ 1/2 года 2 „ — „
 „ 1 мѣс. — „ 30 .
 Перем. адреса 25 к.
 Непринятые рукописи
 не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

Такса объявлений:
 За строку непара-
 рели въ 1 стол-
 бецъ:
 (1/2 шир. стран.)
 впер. текста . 90 к.
 позади „ . 60 .
 Постоянные заказы по
 соглашению.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 44—1915 г. Главная контора журнала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30. = Июль. =

ЧУЖИЕ

*Въ старой часовенкѣ кротко лампада маячитъ,
 Кто-то въ углу передъ образомъ плачетъ,
 Темная ночь пораскинула траурный пологъ;
 Молитъ о комъ-то, кто сердцу такъ близокъ и дорогъ.*

* *

*Мечутся въ сумеркахъ блѣдныя тѣни,
 Кто-то внезапно встревожилъ насиженный улей,
 Кто-то со стономъ упалъ на сырыя ступени —
 Вражьей прострѣленный пулей...*

* *

*Мракъ озарили зловѣщія красныя птицы,
 Словно добычу во мракѣ коварныя чуютъ,
 Чьи-то мелькаютъ во тьмѣ безобразныя лица...
 Въ нашей деревнѣ — «чужіе» ночуютъ...*

Михаилъ Андреевъ.

*Нѣмецъ, перецъ, колбаса,
 Купилъ лошадь безъ хвоста...
 Нѣмецъ, перецъ...*

Услышанную отъ мамы новость надо кому-нибудь
 сообщить, и поэтому Сережа бѣжитъ на кухню.

У плиты возится краснощекая, дебелая Фекла.

Сережа приходитъ къ ней и, выждавъ удобный для
 разговора моментъ, когда Фекла вытираетъ рукавомъ

сальной кофты потъ съ лица, говоритъ:

— А нѣмцы — наши враги.

Фекла судорожно вздыхаетъ:

— Вѣстимо, нѣмчура поганая. Хильхельмъ ихній,
 чтобъ ему ни дна, ни покрывки. Чисто, антихристъ.

По вечерамъ въ кухнѣ особенно интересно. Къ
 Феклѣ приходятъ дворникъ, сосѣдская кухарка и всѣ
 говорятъ о войнѣ. Сережа незамѣтно выскальзываетъ
 изъ комнатъ и, взобравшись на табуретъ, жадно и вни-
 мательно слушаетъ ихъ разговоры.

ЕГО СЫНЪ.

Р а з с к а з ъ .

— Мама, а нѣмцы за насъ воюютъ?

— Нѣтъ, Сережа. Они наши враги.

Маленькій человекъ озадаченъ. До сихъ поръ ему
 казалось, что нѣмцы воюютъ вмѣстѣ съ палой противъ
 какого-то косматого злого человека, съ рыжей боро-
 дой и съ топоромъ въ рукахъ.

Сережа вспомнилъ хозяйна булочной, въ которой
 продаются изумительно вкусныя, кремовыя трубочки.
 Хозяйна булочной называли нѣмцемъ и у него была
 круглая, какъ шаръ, лысая голова и носъ картошкой.

— Мама, а булочникъ тоже нашъ врагъ?

— Да, Сережа.

— А гдѣ онъ теперь?

— Его выслали..

— Потому что онъ нѣмецъ?

— Да.

— Ага!

Сережа задумывается, и вдругъ начинаетъ напѣвать
 смѣшную пѣсенку, которую онъ слышалъ отъ сына
 дворника Максима:

Бѣгство Карла XII и Мазепы послѣ битвы при Полтавѣ.

«Думка Франца»

(Изъ „Гальки“).

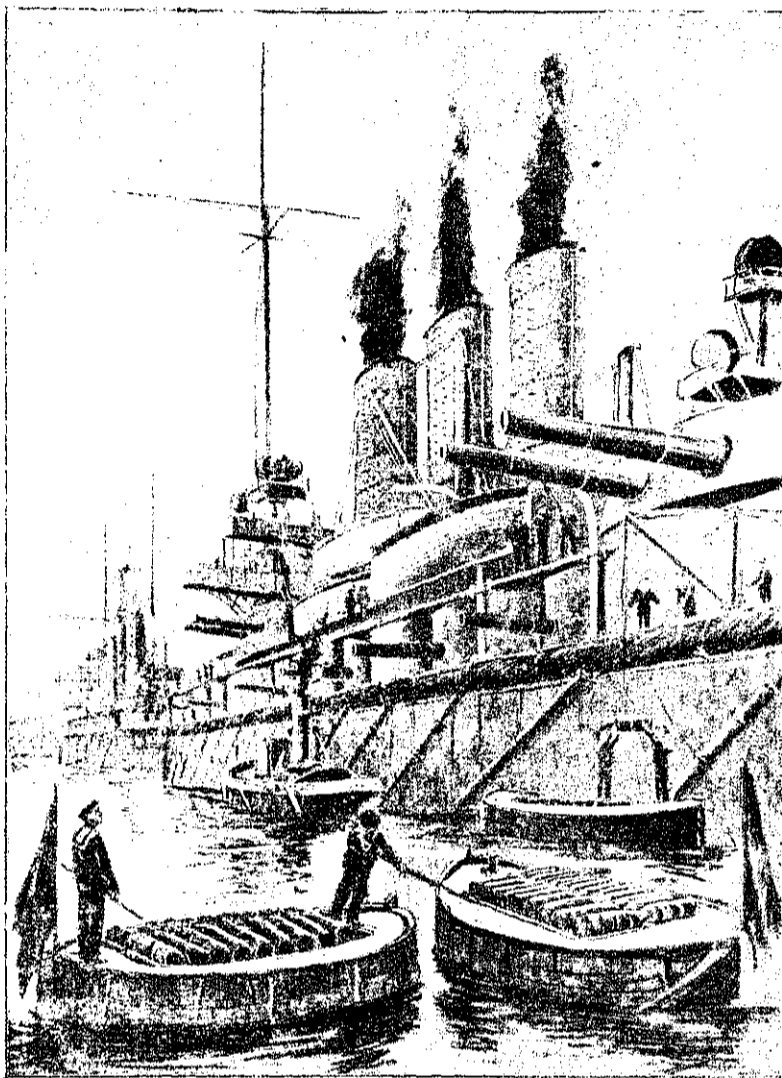
— „На Карпатахъ вѣтеръ воетъ
И въ ухахъ шумитъ,
А у Франца сердце ноетъ,
Грусть-тоска щемитъ...
Но, кто-жь бѣдъ моихъ виною?
Ахъ, любимъ-ли я тобою?
Ой, мой Вилли—?
Въ лучшемъ стилѣ—
Насъ побили тутъ,
И еще побьютъ...
**

Я ли развѣ не старался
Свыше всякихъ силъ?
И съ врагами такъ сражался—
Даже... носъ разбилъ...
Въ настроеніи геройскомъ,
Распахнувши дверь.—
Скоро, скоро, вслѣдъ за войскомъ,
Я поѣду... въ Тверь!..
Но, кто-жь бѣдъ моихъ виною?
Ахъ, обмануть я тобою!..
**

Стороною, слышалъ, какъ-то,
Отъ сосѣдей я,
Что—безъ всякаго антракта,—
Лупятъ и тебя...
Говорятъ, что итальянцу
Ты Триестъ даешь?..
— Что-же дѣлать-то мнѣ.—
Францу?..

Это вѣдь—грабежъ!!!..
Но, кто-жь бѣдъ моихъ виною?
Ахъ, обмануть я тобою!..
Насъ побили!..
Охъ, мой Вилли,
Вся вина твоя!

Бумъ и комп.

Въ Дарданеллахъ. Доставка съестныхъ припасовъ на оредноуты союзниковъ.

(Рис. англійск. журнала).

— Звѣри они, — говоритъ дворникъ, — что съ нами-то дѣлаютъ! Языки и уши отрѣзаютъ, дѣвчешекъ безчестятъ.

Сосѣдская кухарка медленно, по складамъ читаетъ газету.

— Господи! — вздыхаетъ Оекла.

Сережа слушаетъ, и въ головѣ его копошатся новыя, тяжелыя мысли.

Маленькій человѣкъ прижимается къ мамѣ и быстро шепчетъ:

— Мама, нѣмецъ хотѣлъ папу убить.

— Господь съ тобой, успокойся.

Мама теперь такая блѣдная, такая печальная, а раньше... мамѣ папа, всегда смѣялась, и папа ее хохоталъ.

...донясь къ мамѣ и вспоминая слова...
...говорила:

— А Богъ-то за насъ.

— За насъ, сынокъ, за насъ. Онъ — добрый. Онъ охранитъ намъ папу.

Письма отъ папы приходятъ рѣдко, и когда долго нѣтъ писемъ, мама ходитъ по комнатамъ сама не своя и до хруста ломаетъ безкровные, тонкіе пальцы...

— Да не изводитесь, барыня,—утѣшаетъ ее Оекла, — помолитесь лучше. Богъ-отъ видитъ правду, вернется нашъ баринъ цѣль и невредимъ. А что писемъ нѣту, такъ, вѣстимо, какая ужъ тамъ пошта, не до того вѣдь.

Говоритъ, а сама плачетъ.

Не даромъ папа смѣялся, что глаза у Оеклы на мокромъ мѣстѣ. Такъ и говорилъ:

Мама — хохотунья,

Оекла — плакунья,

А Сергунъ — молодецъ!

Когда почтальонъ приносилъ письмо съ красной, круглой печатью, въ комнатахъ сразу становилось весело. Мама улыбается и Оекла не плачетъ.

И Сережѣ тогда радостно: вѣрится ему, что скоро вернется папа, и все будетъ по прежнему.

Маленькій человѣкъ подолгу сидитъ за письменнымъ столомъ и выводитъ на бумагѣ старательно и серьезно печатными буквами дорогое ему слово: п а п о ч к а.

Нынче опять нѣтъ писемъ. И уже давно не было. Мама ждала вечерней почты, но и съ ней ничего не пришло.

Сережѣ не спится. Ворочается онъ въ кроваткѣ, а мысли одна за другой лѣзутъ въ голову. И нечѣмъ выгнать ихъ оттуда.

Въ сосѣдней комнатѣ сидитъ мама.

За сегодняшній день она даже похудѣла.

И такъ маленькая, словно игрушечная, а теперь еще тоньше стала.

— Таега, — вспомнилъ Сережа Феклины слова.

— Какъ Снѣгурочка, — рѣшаетъ онъ и тяжело вздыхаетъ отъ жалости къ мамѣ.

Уже тихій сонъ отгоняетъ надобдливыя мысли, и вдругъ къ Сережѣ доносится сдержанный плачъ.

Маленькій человекъ прислушивается. Потомъ соскакиваетъ съ кроватки и, шлепая босыми ногами по полу, бѣжитъ въ сосѣдную комнату.

Мама о чемъ-то задумывается, потомъ крѣпко цѣлуетъ Сережу и съ гордостью смотритъ на него. Лицо у нея становится особеннымъ, а глаза — свѣтлыми, глубокими, и голосъ ея звучитъ какъ-то необыкновенно покойно и твердо, когда она говоритъ:

— Ты хороший, Сережа! Ты совсѣмъ, какъ онъ...

И, словно поясняя, добавляетъ:

— Какъ твой папа!..

Юрій Zubовскій.

ИЗЪ ВОЙНЪ ДРЕВНОСТИ.

Атака Александромъ Македонскимъ цитадели на Индѣ.
(Рис. Кастенья).

ДОЧЬ ПОЛКА.

Эпизодъ изъ русско-турецкой войны.

Знаменитый бой 28 ноября 1877 года, имѣвшій, какъ извѣстно, рѣшающее вліяніе на исходъ всей компаніи, покрывшій новыми лаврами наше побѣдоносное оружіе и окончившійся паденіемъ непріятельскихъ Плевненскихъ твердынь и сдачей непобѣдимого турецкаго военачальника Османа-паши съ его сорокатысячной арміей, шель къ концу.

На выручку изнемогавшихъ въ борьбѣ съ превосходными силами вдесятеро многочисленнѣйшаго врага и вынужденныхъ вслѣдствіе этого уступить свои позиціи, храбрыхъ Астраханскаго и Сибирскаго гренадерскихъ полковъ, бывшихъ въ этотъ знаменательный день на аванпостахъ, — прибыли свѣжія войска гренадерскаго корпуса, стоявшія на позиціи отъ дер. Дальній-Дубнякъ до оврага „Копанная могила“. Ударивъ во флангъ наступавшаго непріятеля, они мгновенно измѣнили ходъ сраженія. Турки, не выдержавъ стремительнаго натиска нашихъ гренадеръ, пораженные паническимъ страхомъ, смѣшались и начали въ хаотическомъ безпорядкѣ поспѣшно отступать къ рѣкѣ Виду, за которой высились ихъ укрѣпленія. Громогласное, раскатистое, побѣдное «ура» пронеслось изъ конца въ конецъ по обширнымъ Плевненскимъ высотамъ, покрывая собою громъ орудійныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ. Перейдя въ наступленіе, части гренадерскаго корпуса, развернувъ фронтъ, стремительно преслѣдовали бѣжавшихъ турокъ сплошными залпами берданокъ и картечью изъ орудій, которыя успѣли вновь занять прежнія свои позиціи въ отнятыхъ было непріателемъ батареяхъ.

— Молодцы гренадеры! Валяй ихъ хорошенько! весело напутствовалъ своихъ солдатъ командиръ корпуса, генералъ Ганецкій, проѣзжая во главѣ свиты мимо наступающихъ рядовъ гренадеръ.

— Рады стараться, ваше превосходительство! восторженно отвѣчали храбрецы на привѣтствіе любимаго начальника и ураганомъ неслись впередъ за бѣжавшимъ отъ нихъ непріателемъ.

Масса труповъ, какъ турецкихъ, такъ и нашихъ, покрывала обширное поле боя. Тяжело раненые, силились подниматься и, случалось, что съ послѣднимъ вздохомъ, такой страдалецъ пускалъ изъ винтовки пулю вслѣдъ удаляющемуся врагу. Нѣкоторые-же, въ особенности турки, напрягали послѣднія усилія, стараясь отползти въ заросли кукурузныхъ посѣвовъ, съ тщетною надеждой укрыться отъ наступавшей лавы нашихъ войскъ.

Въ самый разгаръ преслѣдованія непріятеля, въ линію огня вступилъ 2-й баталіонъ С—каго гренадерскаго полка, подъ командою маіора Г.

— Рота, стройся влѣво, бѣгомъ! скомандовалъ командиръ 8-й роты, молодой поручикъ Д., выбѣгая передъ фронтомъ своей части.

Лихо исполнили солдатики команду своего начальника и, съ ружьями „на перевѣсъ“, двинулись вслѣдъ за шедшими впереди, подъ огнемъ непріятельскихъ батарей, своими однополчанами.

Пробѣжавъ приблизительно около версты, лѣвый флангъ роты вынужденъ былъ пробираться въ густой заросли высокихъ стеблей кукурузнаго поля.

— Эй, Сидорчук! Глянько-сь что за штука! крикнулъ товарищу ефрейторъ Борщовъ, останавливаясь въ нѣсколькихъ шагахъ передъ лежавшею на землѣ, своеобразно - интересной группой.

Штука и естъ согласился подбѣжавшій на зовъ приземистый Сидорчукъ.

Передъ ними на землѣ, на стебляхъ смятой и обильно смоченной кровью кукурузы, лежалъ съжившійся трупъ турецкаго редифа. Лицо покойнаго носило слѣды только что миновавшей мучительной агоніи, а правая рука застыла въ судорожномъ объятіи, которымъ онъ какъ-бы старался привлечь къ себѣ на грудь прелестнаго четырехлѣтняго ребенка-дѣвочки, уцѣпившуюся въ свою очередь обѣими ручками за шею убитаго и въ невыразимомъ испугѣ широко раскрывшую большіе каріе глаза на подошедшихъ такъ неожиданно нашихъ солдатиковъ.

— Вотъ такъ находка! развелъ руками Борщовъ.

— Да какъ ее сюда занесло?.. Родитель это ейный. надо полагать, недоумѣвалъ Сидорчукъ.

— Должно родитель. Ишь ты сердечная, какъ уцѣпилась-то за него!

— Жалко тоже чай...

Разсуждая такимъ образомъ, солдатики начали приближаться къ убитому и дѣвочкѣ.

Ребенокъ нагнулъ головку къ лицу покойнаго и, пугливо озираясь на подошедшихъ, еще крѣпче началъ жаться къ трупу.

— Дѣвонька... Глупенькая... Тятка что-ли это тебѣ будетъ?.. Тятка-то теперь ау! померъ! жалостливо бормоталъ Сидорчукъ, нагнувшись къ дѣвочкѣ и глядя ее по головкѣ.

— Рабеночекъ-то, рабеночекъ какой... Картинка! восторгался въ то же время и Борщовъ, стараясь приласкать малютку...

Въ дѣвочкѣ принялъ горячее участіе поручикъ Д. и рѣшился пока пріютить маленькую турчанку у себя, окруживъ ее самыми нѣжными заботами.

Товарищи-офицеры, видя за это время Д. необыкновенно озабоченнымъ, слегка посмѣивались.

— Что-то подозрительно, Иванъ Викентьевичъ, обращался къ нему кто-нибудь изъ товарищей, — ты такъ хлопочешь объ этой дѣвочкѣ, какъ будто это твой собственный ребенокъ.

— Вовсе нѣтъ, замѣчалъ другой, — Иванъ Викентьевичъ себѣ на умѣ... Онъ, полагать надо, невѣсту себѣ воспитать думаетъ, оттого и хлопочетъ.

Д. на всѣ эти замѣчанія и т. п. невинныя подшучиванія товарищей обыкновенно отмалчивался, но иногда и рѣзко обрывалъ назойливаго шутника.

— Да отстаньте, вамъ какое дѣло?.. Можетъ и невѣсту хочу себѣ воспитать; для васъ, мнѣ кажется это безразлично, съ оттѣнкомъ досады говорилъ онъ и уходилъ отъ нихъ въ сторону.

Когда полкъ къ вечеру второго дня послѣ боя возвратился въ лагерь подъ Дольній-Дубнякъ, Д. со всѣхъ ногъ бросился къ своей землянкѣ.

ИЗЪ РОЙНЪ ПРОШЛАГО.

Эпизодъ изъ одной изъ неполеоновскихъ войнъ. Пруссаки, перелодѣтые французами пробрались въ французскую деревню и подъ угрозой смерти стали требовать у мѣстной учительницы указаній о передвиженіи войскъ. Героиня предпочла смерть позору и погибла подъ пулями разъяренныхъ пруссаковъ.

То, что онъ увидѣлъ, превзошло его ожиданія.

Небольшая, квадратная, въ аршинъ глубины яма, покрытая, въ видѣ крыши, тонкими брусками, переплетенными кукурузными стеблями, и усыпанная сверху землей, представляла довольно невзрачное убѣжище, сльвущее подъ названіемъ землянки, въ которой, подобно другимъ офицерамъ, помѣщался и поручикъ.

На этотъ разъ, съ прибытіемъ новой жилицы, въ лицѣ взятой Д. на свое попеченіе малютки-турчанки, помѣщеніе это, стараніями Сидорчука и деньщика Ярыловца, значительно измѣнилось къ лучшему и носило даже отпечатокъ нѣкотораго комфорта.

Въ глубинѣ землянки видѣлось подобіе какой-то занавѣси изъ грубаго холста, которая раздѣляла все помѣщеніе почти на половину. Изъ-за приподнятаго края этого импровизированнаго драпри виднѣлась стоящая на земляной насыпи продолговатая плетеная изъ древесныхъ вѣтвей корзина, покрытая сверху кускомъ сѣраго сукна, въ видѣ одѣяла, и съ подушкой въ чистой бѣлой наволочкѣ на мѣстѣ изголовья. Стѣна землянки надъ этой постелью была покрыта цыновкой, сплетенной изъ кукурузныхъ стеблей, и таковая-же лежала на землѣ около корзины. Все это было устроено и приспособлено уселдіемъ Сидорчука для вѣрной его заботамъ малютки. Кровать-же самаго хозяина землянки, поручика Д., была перенесена ближе ко входу; остальное имущество, заключающееся въ чемоданѣ, было помѣщено подъ сбитый изъ досокъ столъ, примыкающій къ постели.

ОКОЛО КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

На берегу Мраморного моря.
(Рис. англійскаго журналу).

Когда Д. вошелъ въ свою землянку, то первое, что бросилось ему въ глаза, былъ Сидорчукъ. Почтенный служивый сидѣлъ у входа и старательно сшивалъ какія-то разноцвѣтныя тряпицы.

Увидя поручика, онъ приостановилъ свое занятіе и вытянулся во фронтъ.

— Ну, что, какъ дѣвочка? скороговоркой спросилъ Д., пылливо вглядываясь въ глубь землянки.

— Слава Богу, ваше благородіе, почиваетъ таперь.

— Спать?... Ну и хорошо... Гдѣ-же ты ее устроилъ?

— А вотъ тутотка, ваше благородіе.

Сидорчукъ указалъ рукою по направленію къ занавѣси.

— Ну, вотъ молодець, спасибо, тихо заговорилъ Д., подходя къ постѣли, устроенной служивымъ, и любуясь на безмятежно спавшую малютку.

— Изъ чего-же вы постель и все это устроили? заботливо спрашивалъ поручикъ сердобольнаго усача.

— А мы, ваше благородіе, такъ распорядились: тюфякъ изъ мочалы соорудили, у каптинармиста полковаго я куль выпросилъ, объяснилъ Сидорчукъ. Занавѣску и чехоль для тюфяка изъ сухарнаго мѣшка сшили. Подушечку одну вашу взяли... махонькую... А насчетъ одѣяльца опять-таки сукна у квартирмистерскаго деньщика раздобыли... Простыньку вашу, ваше благородіе, одну подшили, а другую застлали.

— Чудесно!.. Молодецъ!.. А кормили ее чѣмъ?.. какъ?.. Молока достали?

— Достали, ваше благородіе... Еще вчерась въ Магалеты самъ слеталъ.

— Вотъ и хорошо... Ну, а какъ сама?.. Весела или скучаетъ?

— Обходится, ваше благородіе, привыкаетъ... Ёсть не особенно дюже, а только кушаетъ какъ надо.

— А это ты что же шьешь? спросилъ поручикъ, кивнувъ головою на тряпицы въ рукахъ служиваго.

— Платице, ваше благородіе, для дѣвочки мастерию... Двѣ рубахи у меня еще изъ Рассаи новыя ситцевыя были, мнѣ ни къ чему онѣ... Такія вотъ ихъ пожертвовалъ, ухмыльнулся Сидорчукъ.

— А ты умѣешь?

— Что это?.. Шить-то, ваше благородіе?.. Кабы настоящий струментъ былъ, такъ замѣсто швей въ лучшемъ видѣ смастерию... Вотъ бѣльца бы, ваше благородіе... Рубашонки дѣвонькѣ пошить... Да полусапожки бы... Кожы только нѣтъ, а то Борцозъ башмачникъ вѣдь... Смастерить.

— Что же, это можно. Ярыловець! обратился Д. къ своему деньщику, — достань, братецъ, двѣ мои новыя рубашки, да передай ихъ вотъ Сидорчику, пусть выкроитъ изъ нихъ что надо... А насчетъ башмаковъ, такъ у меня сапоги городскіе есть: можетъ изъ нихъ можно что сдѣлать?

— Можно, ваше благородіе, поспѣшилъ отозваться Сидорчукъ. — Ежели голенища хорошія, такъ изъ нихъ башмачки за первый сортъ выйдутъ.

— Ну, дѣлай какъ знаешь.

Распорядившись такимъ образомъ, Д. еще разъ полюбовался, подойдя къ занавѣси, на спящую малютку и затѣмъ, пообѣдавъ наскоро, одолѣваемый усталостью, тихонько улегся на свою кровать, продолжая мечтать о томъ, какъ бы лучше устроить свою малютку, пока сонъ не смежилъ его отяжелѣвшія вѣки.

Проснувшись поздно вечеромъ, Д. былъ приятно пораженъ представившеюся его взорамъ сценой.

Дѣвочка сидѣла на своей кровати и весело что-то щебетала по своему со стоявшимъ передъ нею на колѣняхъ Сидорчукомъ. Въ дверяхъ землянки, на почтительномъ разстояніи отъ входа, торчали головы усачей-гренадеръ, пришедшихъ полюбоваться на „воспитальницу“, какъ они называли дѣвочку, поселившуюся у ихъ ротнаго командира.

По смуглымъ и загорѣлымъ лицамъ солдатъ блуждали улыбки и они шепоткомъ перекидывались между собой фразами въ родѣ слѣдующихъ:

— Ишь Сидорчукъ-то, ровно нянька заправская!.. И енъ, ребенокъ, хоша изъ турчинъ, а вѣдь ишь ты понимаетъ какъ будто, что ему баюгать.

— Сноровка тоже, чай, нужна...

— Какая сноровка?

— А такая, значить, чтобъ обхожденье понимать: хочеть, примѣрно, ребенокъ ёсть, либо пить... Ну, и ему чтобы въ точности.

— Да ужъ на что надо, такъ только Сидорчука взять.

— Ходъ вый парень... Опять тоже чувствительный... Рабенокъ это понимаетъ.

Д. поднялся съ кровати и подошелъ къ ребенку.

— Ну, что, миленькая, выпалась, моя красавица? ласково глядя на дѣвочку, заговорилъ онъ, стараясь жестами пополнить смыслъ непонятной ей рѣчи.

— Часа съ два, ваше благородіе, какъ проснулась, отвѣтилъ за малютку Сидорчукъ.—Я покормилъ ее малость, да вотъ теперь и занимаюсь на досугѣ... Понятливая, ласковая дѣвочка.

— А ко мнѣ пойдешь? протянулъ къ ней руки Д. Ребенокъ, какъ бы узнавъ своего благодѣтеля, улыбнулся и залепеталъ что-то по турецки.

Взявъ малютку на руки, молодой поручикъ вышелъ съ нею изъ землянки.

— Что, братъ нянчишься! раздался голосъ изъ небольшой группы офицеровъ, проходившихъ въ это время по лагерю.

— Отчего же и не понянчиться... Прелесть то какая вѣдь! отвѣчалъ восторженно Д., цѣлуя розовыя щечки своей воспитанницы.

мандира полка съ присовокупленіемъ названія полка.

Теперь предстоялъ вопросъ: какимъ образомъ отправить малютку въ Россію?

Полкъ выступалъ на-дняхъ въ глубь турецкихъ владѣній, а сообщенія съ отечествомъ черезъ Румынію, кромѣ почтоваго не было никакого.

Но и тутъ выручилъ случай.

Передъ самымъ выступленіемъ полка въ походъ на Балканы, къ Дольнему-Дубняку прибылъ подвижной лазаретъ подъ начальствомъ графа С., направлявшійся съ ранеными и сестрами милосердія въ Румынію, а затѣмъ и въ Россію.

Одна изъ сестеръ милосердія, по просьбѣ начальника штаба дивизіи, принявшаго горячее участіе въ малюткѣ-приемышѣ, взяла на себя трудъ доставить ребенка въ Россію и передать его семейству почтеннаго полковника Г., живущему въ Москвѣ.

Сто лѣтъ тому назадъ. Знаменитое сраженіе при Ватерлоо

Такъ проходили дни за днями.

Въ это время въ войскахъ, стоявшихъ подъ Плевною, пронесся слухъ о скоромъ выступленіи на Шипкинскій переваль для усиленія корпуса генерала Радецкого.

Вѣсть эта поставила въ довольно непріятное положеніе Д., озабоченнаго дальнѣйшей участію своей питомицы, но къ этому вопросу сочувственно отнеслись всѣ офицеры во главѣ съ самимъ командиромъ полка.

По инициативѣ послѣдняго, было рѣшено на общемъ собраніи офицеровъ, признать малютку Машу полковою дочерью и изъ добровольныхъ взносовъ, дѣлаемыхъ офицерами ежегодно, образовать капиталъ, на который она могла бы получить приличное воспитаніе въ предѣлахъ Имперіи.

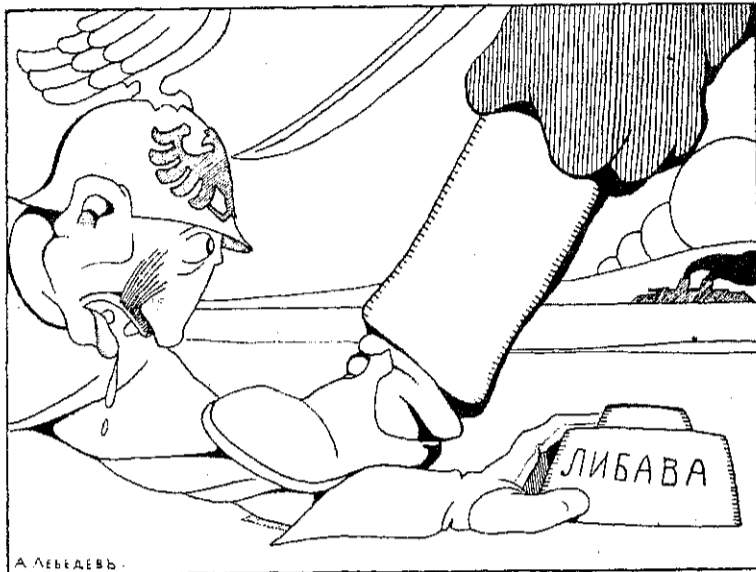
Съ рѣшеніемъ этого вопроса было предложено и дать фамилію дѣвочкѣ соотвѣтственную случаю, вслѣдствіе чего она и была названа фамиліей ко-

Насталъ день выступленія полка изъ бивуака, а слѣдовательно и передачи дѣвочки въ распоряженіе будущей ея попечительницы, сестры милосердія.

Нужно было видѣть непритворное горе какъ самого Д., такъ и усача-няньки Сидорчука, которымъ предстояла разлука съ ихъ любимицей. Д., цѣлую ночь не могъ сомкнуть глазъ, ворочаясь въ раздумьи съ боку на бокъ, а Сидорчукъ продежурилъ до разсвѣта у кровати, гдѣ беззаботно покоилась малютка Маша.

Съ разсвѣтомъ ударили сборъ, и солдатики выплзли изъ палатокъ, начали выстраиваться къ походу.

Офицеры передъ выступленіемъ изъ лагеря спѣшили къ землянкѣ Д., чтобы проститься съ общей ихъ дочерью. Малютка недоумѣло таращила глазенки переходя съ рукъ на руки и улыбаясь только на разстачаемыя ей ласки и поцѣлуи.

«ЗАВОЕВАТЕЛЬ»: И такъ, Либава въ моихъ рукахъ!

Пэнуро опуствя головы смотрѣли на эту трогательную сцену Д. и Сидорчукъ.

Но вотъ барабаны ударили подъемъ; послышалась команда начальниковъ—и первый баталіонъ, съ пѣсенниками впереди, началъ вытягиваться на Софійское шоссе по направленію къ Плевнѣ.

Къ опустѣвшей землянкѣ подъѣхала повозка подвижнаго лазарета.

— Ну что же, гдѣ у васъ дѣвочка? послышалось изъ повозки мягкое mezzosoprano пожилой женщины въ костюмѣ сестры милосердія.

— Вотъ... возьмите, берегите пожалуйста, сдавленнымъ голосомъ проговорилъ Д., передавая въ повозку закутанную съ ногъ до головы дѣвочку.— А это вотъ ей на дорогу, добавилъ онъ, протягивая руку съ довольно объемистымъ кошелькомъ.

— Зачѣмъ, не надо, я ее и такъ доведу, попробовала протестовать сестра милосердія.

— Нѣтъ, возьмите, ей тамъ пригодится... Если что, напишите прямо въ полкъ, на имя командира...

Прощайте... Прощай, Маша! торопливо, какъ бы захлебываясь отъ подступавшихъ къ горлу слезъ, проговорилъ Д., поспѣшно отходя къ выстроившейся и ожидавшей его ротѣ.

— Прощай, Маша! хрипло, точно простонавъ, вымолвилъ въ сторону малютки, сидѣвшей уже въ повозкѣ, Сидорчукъ, и крупная слеза скатилась по его загорѣлой щекѣ.

Маша, какъ бы чувствуя съ кѣмъ она разстается и видя себя на рукахъ незнакомой женщины, протянула въ сторону солдатъ рученки и расплакалась.

Слезы малютки больно подѣйствовали на нервную натуру молодого поручика.

— Справа по отдѣленіямъ! ружья вольно! шагомъ маршъ скомандовалъ онъ надтреснутымъ и голосомъ и зашагалъ во главѣ роты.

— Ну, трогай! крикнулъ возница на лошадей, и повозка покатила въ обратную сторону, по намерзлой почвѣ шоссе, по направленію къ Дольнему-Дубняку.

До ушей Д. издали по временамъ доносился какъ бы плачь оставленнаго имъ ребенка, и онъ, чтобы заглушить въ себѣ эти мучительные для него звуки, вызвалъ пѣсенниковъ впереди роты.

Греми слава трубой—

Мы дрались, турокъ, съ тобой!

раздалась залихватская пѣсня изъ десятка молодецкихъ грудей, и рота бодро зашагала по направленію къ Плевнѣ.

Въ августѣ 1878 года, когда С—кій полкъ послѣ перемирія стоялъ лагеремъ за Балканами, около села Курджикіой, было получено письмо, въ которомъ извѣщали, что дочь полка 15 іюля присоединена къ православію, подѣ именемъ Маріи, и находится въ семьѣ полковника Г., гдѣ всѣ ее очень любятъ.

В. Д.

Правда о смерти эрцгерцога Рудольфа.

(Сенсаціонныя разоблаченія княгини Зичи).

Хорошо воспитанный и прекрасно учившійся въ юности, эрцгерцогъ Рудольфъ отличался полнымъ отсутствіемъ Габсбургской гордости, либеральными идеями и склонностью къ литераторамъ и ученымъ болѣе, чѣмъ къ родовитымъ аристократамъ.

Онъ былъ яркимъ охотникомъ, но любилъ охотиться, главнымъ образомъ, за орлами въ Альпахъ, переноса всякаго рода опасности.

До восемнадцати лѣтъ онъ сохранилъ полную невинность, но съ

этого времени предался самой буйной веселой жизни подъ руководствомъ своего гофмейстера, графа Бомбеля, человѣка легкомысленнаго и преданнаго удовольствіямъ.

Красотѣ и положенію Рудольфъ былъ обязанъ многочисленными побѣдами надъ женскими сердцами во всѣхъ слояхъ вѣнскаго общества.

Сначала отецъ смотрѣлъ на все это сквозь пальцы, но потомъ рѣшилъ сына женить, тѣмъ болѣе, что распутная жизнь подтачивала слабое здоровье эрцгерцога.

Однако, всѣ представляемыя невѣсты не нравились Рудольфу, но наконецъ, видя необходимость одѣлать выборъ, онъ остановился на семнадцатилѣтней принцессѣ Стефаніи Бельгійской, которая ему менѣе не нравилась, чѣмъ другія.

Въ это время онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ красивой брюнеткой г-жей Ф., и, отправляясь сдѣлать предложеніе невѣстѣ, Рудольфъ захватилъ г-жу Ф. въ Брюссель, гдѣ оставилъ ее въ своемъ вагонѣ, во время пребыванія во дворцѣ.

Никто не зналъ объ этомъ скандалѣ, и онъ такъ бы и остался тайной, если бы невѣста не упростила мать поѣхать съ нею на желѣзнодорожный вокзалъ, гдѣ къ ужасу увидѣла черезъ зеркальныя стекла

вагона своего жениха въ объятіяхъ красивой женщины.

Узнавъ объ этомъ, бельгійскій король, любившій свою дочь и не отличавшійся честолюбіемъ, хотѣлъ разстроитъ свадьбу, но Францъ-Иосифъ этому воспротивился, и послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ ему удалось устранить всѣ преграды.

Принцесса Стефанія была обвиняна со своимъ «неосторожнымъ женихомъ», и въ первые мѣсяцы все обстояло благополучно, но потомъ даже передъ рожденіемъ перваго ребенка онъ вернулся къ своей веселой жизни.

Принцесса Стефанія, побуждаемая ревностью, стала не только осыпать его упреками, но и устраивала ему скандальныя исторіи.

Напримѣръ, узнавъ отъ своей сестры, принцессы Кобургской, гдѣ долженъ былъ провести ночь ея невѣрный мужъ, она отправилась туда въ придворной каретѣ, приказавъ кучеру ждать принца, а сама возвратилась домой въ скромномъ экипажѣ мужа.

Вокругъ придворной кареты собиралась толпа, которая дежурила всю ночь въ ожиданіи принца.

Эти семейныя непріятности побудили принца искать утѣшенія въ крѣпкихъ напиткахъ.

Къ его несчастью, около этого времени онъ познакомился съ молодой красавицей, наполнявшей всю Вѣну своей славой, баронессой Вечера.

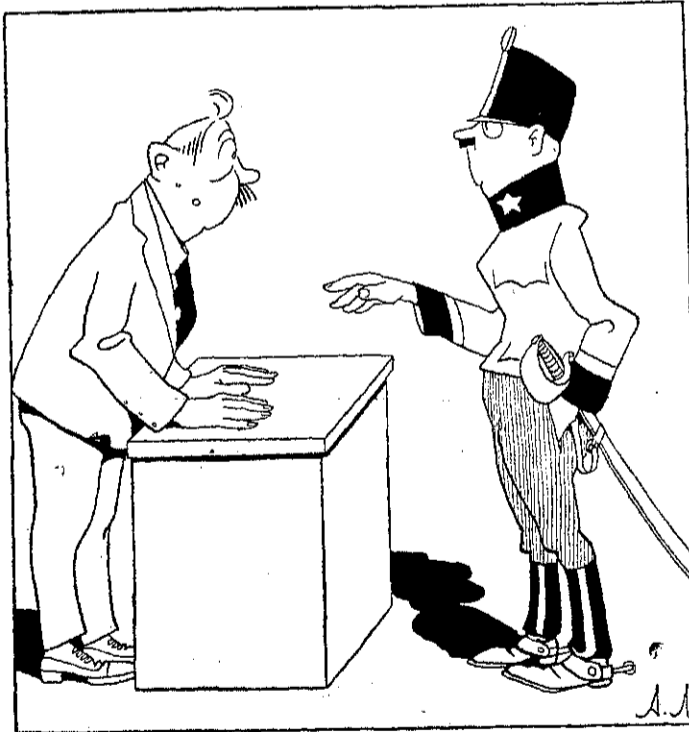
Она была дочерью ловкой интриганки, которая въ свое время блистала въ вѣнскомъ обществѣ и одерживала безконечныя побѣды, даже среди Габсбурговъ.

Семнадцати - лѣтняя Марія, обладающая замѣчательной красотой, наследовала отъ матери талантъ къ интригѣ и рѣшила поженитъ на себѣ принца Рудольфа.

Съ помощью своей пріятельницы, графини Ларишъ, племянницы императрицы Елисаветы и друга дѣтства Рудольфа, которому она помогала въ его любовныхъ похожденияхъ, Вечера устроила въ фантастической обстановкѣ первое свое свиданіе съ эрцгерцогомъ.

ВОЙНА ВЪ КАРРИКАТУРАХЪ.

АВСТРІЯКЪ:—МѢ нужно полное походное снаряженіе: кожаные брюки, бутылка скипидара и дюжина бѣлыхъ флаговъ.

На балу въ своемъ домѣ графиня Ларишъ отвела Рудольфа въ отдаленную комнату, украшенную цвѣтами и освѣщенную нѣжнымъ розовымъ свѣтомъ, гдѣ подъ роскошной пальмой молча сидѣла чудная, почти обнаженная, красавица.

Рудольфъ былъ такъ пораженъ красотой Маріи, что молча открылъ свои объятія, и она бросилась въ нихъ.

Они немедленно и тайнымъ образомъ уѣхали въ домъ баронессы Вечера, гдѣ Рудольфъ остался до утра.

Онъ такъ влюбился, что забылъ все на свѣтѣ: семью и ожидавшій его престоль, и цѣлыя сутки проводилъ съ Маріей въ своемъ Меерлингскомъ «охотничьемъ домикѣ» близъ Вѣны.

Ни укору отца, ни мольбы матери не могли убѣдить его перемѣнить жить.

Франц-Иосифъ пришелъ въ ярость и заявилъ сыну, что этому никогда не бывать.

Тогда Рудольфъ написалъ слезное письмо къ папѣ, прося разрѣшить ему разводъ и тѣмъ дать возможность жениться на любимой женщинѣ.

Но это письмо не тронуло папы, и онъ отвѣчалъ не молодому принцу, а его отцу, указывая госибланему на необходимость вернуть сына на христіанскій путь.

Франц-Иосифъ очень встревожился воззваніемъ папы, но, прежде чѣмъ объяснить съ Рудольфомъ, посоветовался съ придворнымъ докторомъ, который сообщилъ ему, что здоровье принца совершенно разстроено, и онъ умретъ, если будетъ предаваться попрежнему крайнимъ половымъ излишествамъ.

Франц-Иосифъ призвалъ Рудольфа, со слезами на глазахъ, театральнo, бросился на шею къ сыну и умолялъ его пожалѣть отца, мать и всю страну, которые видѣли въ немъ свою единственную надежду.

Рудольфъ не ожидалъ такой сцены и, тронутый великолѣпно-разыгранной нѣжной любовью отца, забылъ на время Марію.

Онъ поклялся, что никогда болѣе не увидитъ Вечера и помирится съ женою.

Обрадованный отецъ взялъ съ него слово, что онъ въ этотъ день будетъ обѣдать дома среди своей семьи.

Между тѣмъ и Вечера поклялась передъ своимъ другомъ графиней Ларишъ, въ виду безпокойства, замѣченнаго ею въ принцѣ и его охлажденія къ ней, что если онъ броситъ ее, то она жестоко отомститъ ему, лишивъ его возможности обладать другою женщиною.

Этотъ разговоръ происходилъ наканунѣ сцены между отцомъ и сыномъ, и графиня Ларишъ, которая искренно любила своего двоюроднаго брата, написала ему, умоляя не оставаться болѣе съ Маріей Вечера наединѣ, если онъ намѣренъ порвать свою связь съ нею, такъ какъ она была въ состояніи отомстить ему самымъ ужаснымъ образомъ.

Вернувшись отъ отца, Рудольфъ былъ такъ разстроенъ, что приказалъ никого не пускать къ себѣ, но Вечера насильно ворвалась въ его комнату и, бросившись передъ нимъ на колѣни, умоляла его сказать ей всю правду, такъ какъ она видѣла по его разстроенному лицу, что имъ грозило большое горе.

Среди слезъ и пламенныхъ поцѣлуевъ онъ высказалъ ей, что имъ необходимо разстаться.

Она приняла это извѣстіе спокойно и, поовидному, покорилась неизбежной судьбѣ, но потребовала, чтобы Рудольфъ простился съ нею въ Меерлингѣ, обѣщая затѣмъ скрыться навсегда.

Разстроенный нравственно и физически, Рудольфъ забылъ клятву, данную отцу, и предостереженіе графини Ларишъ; онъ согласился на просьбу любимой женщины и сказалъ, чтобы она тотчасъ же ѣхала въ Меерлингъ, обѣщая послѣдовать за нею, но предупредилъ, что онъ не можетъ долго оставаться, такъ какъ долженъ обѣдать у отца.

Негръ въ боевомъ вооруженіи.

29 января 1889 г., въ 2 часа дня, принцъ Рудольфъ выѣхалъ изъ Вѣны въ маленькихъ санкахъ и по дорогѣ встрѣтилъ своего зятя, принца Кобургскаго, который, получивъ извѣстіе о семейномъ обѣдѣ, торопился въ Вѣну изъ Меерлинга, гдѣ онъ утромъ охотился.

Узнать, въ чемъ дѣло, принцъ Кобургскій умолялъ Рудольфа вернуться во дворецъ, увѣряя, что они иначе не поспѣютъ къ обѣду.

Рудольфъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ, но, однако, отѣхавъ, онъ принелъ къ убѣжденію, что принцъ Кобургскій правъ, и, вспоминая о любви къ нему отца, приказалъ кучеру вернуться.

Однако, послѣдній не успѣлъ исполнить этого приказа, какъ Рудольфа догнала Вечера, которая, недождавшись принца въ Меерлингѣ, поскакала ему навстрѣчу.

При видѣ ея Рудольфъ забылъ обо всемъ и отправился съ нею въ Меерлингъ.

Они прибыли туда, когда уже стемнѣло.

Марія прошла незамѣтно въ свою комнату, такъ что никто не зналъ въ охотничьемъ домикѣ объ ея возвращеніи, а Рудольфъ появился на минуту въ столовую, гдѣ весело обѣдали его друзья послѣ охоты, и заявивъ, что у него болитъ голова, потребовалъ обѣды въ свои покои.

«Ничто не нарушало послѣдняго прости принца Рудольфа съ Маріей Вечера, — рассказываетъ княгиня Зичи. — Наконецъ, утомленный всѣми событіями этого дня, ласками знойной любовницы, а, быть можетъ, подъ вліяніемъ крѣпкихъ напитковъ, которыхъ Вечера заставила его выпить болѣе обыкновеннаго, онъ заснулъ тяжелымъ сномъ.

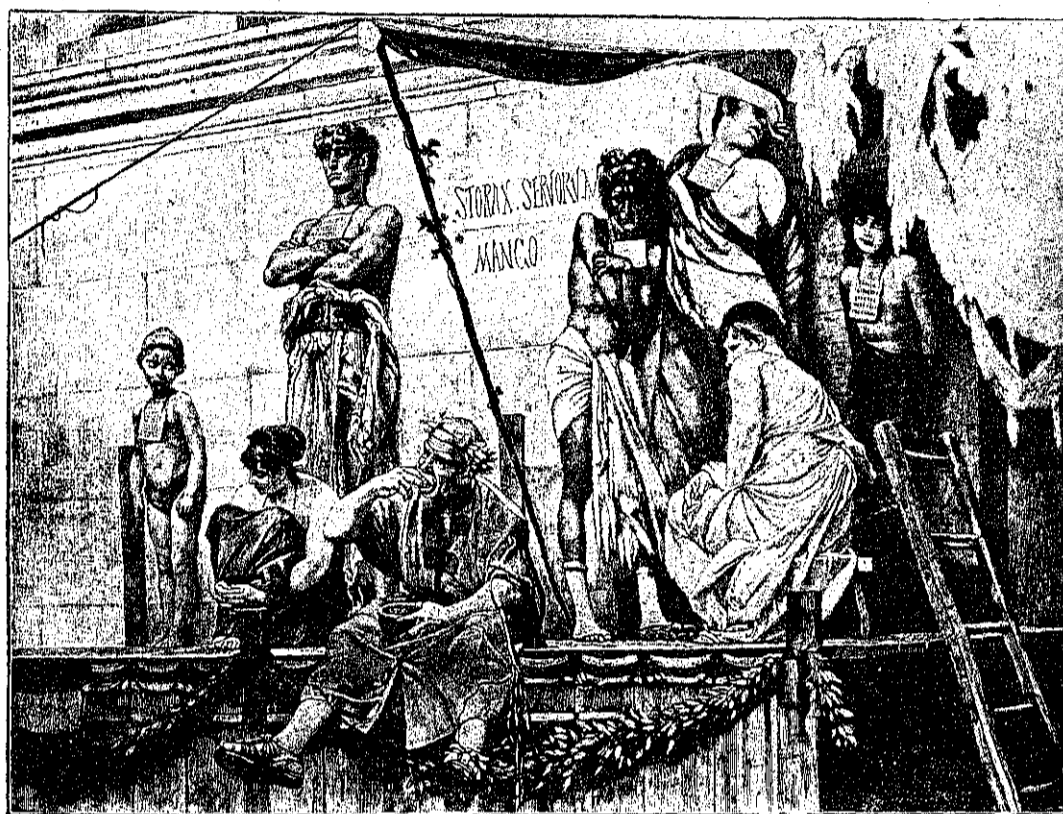
Его разбудила самая отвратительная мечь, которую только можетъ придумать женщина.

Увидавъ, что его жизнь на вѣки погублена, онъ схватилъ револьверъ и убилъ ту, которая нанесла ему позорное униженіе, а затѣмъ покончилъ и съ собою.

Преступленіе и двойная смерть не обратили на себя ничьего вниманія въ охотничьемъ домикѣ.

На другое утро одинъ изъ ближайшихъ друзей принца, — графъ Гойосъ, видя, что Рудольфъ долго не выходитъ изъ своей комнаты, постучалъ въ дверь и, не получивъ отвѣта, вошелъ въ комнату.

Его глазамъ представилось ужасное зрѣлище: на кровати лежала

Во время войны, сѣдой старины. Продажа плѣнныхъ въ рабство.

Марія, спокойная и прекрасная въ смерти.

Рядомъ съ нею виднѣлся принцъ Рудольфъ съ искаженнымъ лицомъ и съ большой раной на головѣ, изъ которой обильно текла кровь.

На полу валялся револьверъ, который объяснялъ происшедшую катастрофу.

такъ какъ многія военныя державы пользуются имъ, то государство, которое желало бы отказаться отъ этого, очевидно, потерпѣло бы большой убытокъ.

Военныя свѣдѣнія — не только о предполагаемомъ противникѣ, но и о всѣхъ имѣющихъ значеніе военныхъ государствахъ — добываются изученіемъ ихъ армій и всѣхъ военныхъ условий, поскольку послѣднія видны изъ уставовъ, военныхъ и статистическихъ сочиненій, а также изъ наблюденій особыхъ делегатовъ на маневрахъ и т. д.

Въ главныхъ штабахъ всѣхъ большихъ армій различные департаменты постоянно заняты изученіемъ военного устройства и театра военныхъ дѣйствій.

Дѣло итальянскаго генерала, который на французско-итальянской границѣ производилъ военную рекогносцировку, и многочисленныя подобные случаи обнаружилъ, что во многихъ государствахъ офицеры ежегодно посылаются за границу по военнымъ порученіямъ, для собиранія необходимыхъ свѣдѣній.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ стало бросаться въ глаза, что еже-

ВОЕННЫЙ ШПИОНАЖЪ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

(По англійскимъ источникамъ).

Хотя военная производительность страны зависитъ главнымъ образомъ отъ военныхъ качествъ ея обитателей, безразлично, природенныя ли они или достигнуты воспитаніемъ, а также отъ силы, вооруженія, организаціи, руководительства, военной подготовки и готовности къ бою ея войска, но успѣхъ на войнѣ можетъ быть значительно облегченъ точнымъ знаніемъ военныхъ обстоятельствъ противника, такъ какъ подобное знаніе содѣйствуетъ цѣлесообразному распредѣленію собственныхъ силъ.

Поэтому полученіе свѣдѣній о предполагаемомъ противникѣ является политической и военной необ-

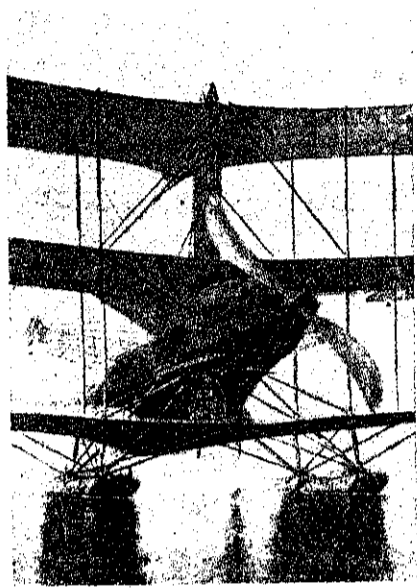
ходимостью, хотя нѣкоторыя способы добыванія ихъ могутъ казаться достойными порицанія съ нравственной точки зрѣнія.

Къ этимъ способамъ прежде всего принадлежитъ шпионство. Но

БИСМАРКЪ ВЪ КАРИКАТУРѢ.

Хорошая погода. Переменно. Гроза.

Недавно спущенъ на воду чудовищный американскій военный гидропланъ-дирижабль.

годно во Францію приѣзжаетъ значительное число нѣмецкихъ офицеровъ «для изученія французскаго языка».

Эти путешествія, однако, никакъ не могутъ быть названы «шпионствомъ»; они скорѣе принадлежатъ къ военной развѣдочной службѣ, такъ какъ у нихъ отсутствуютъ характеристичные признаки шпионства.

Тогда какъ настоящіе шпионы осуждаются общественнымъ мнѣніемъ и во время войны приговариваются военнымъ судомъ къ разстрѣлянію или позорной смерти, у офицеровъ или другихъ представителей государства, которые въ мирное время собираютъ въ чужой странѣ военныя свѣдѣнія, теперь просто конфискуется собранный матеріалъ, послѣ чего ихъ просятъ возвратиться домой.

Это вызывается тѣмъ, что большинство военныхъ державъ пользуется подобными поѣздками въ интересахъ защиты своей страны, такъ что поѣздки эти носятъ должностной, служебный характеръ.

Средства военной развѣдочной службы противъ прежняго значительно увеличились; они заключаются не только въ правильно организованномъ изученіи и постоянномъ наблюдении чужихъ армій вышеназванными органами и разными развѣдочными бюро и справочными отдѣлами, не только въ специальныхъ поѣздкахъ на маневры за границу, но въ постоянномъ наблюде-

ніи за чужими арміями значительно увеличеннымъ противъ прежняго числомъ военныхъ и морскихъ агентовъ при посольствахъ.

Важнымъ средствомъ для полученія извѣстій теперь является также телеграфъ, который позволяетъ доставлять свѣдѣнія шифрованными или, гдѣ это не допускается, условными торговыми телеграммами гораздо скорѣе и подвергаясь меньшему контролю, чѣмъ то было возможно въ прежнее время.

Мы съ удивленіемъ видѣли, что бурская миссія въ Голландіи, несмотря на то, что сражающіеся буры были отрѣзаны отъ береговъ, несмотря на англійскіе крейсера и на линіи блокадъ, постоянно получала точныя извѣстія съ поля сраженія, очевидно, передаваемые не при помощи судовъ, что было бы очень медленно, но какъ-нибудь по телеграфу.

Другимъ средствомъ получать свѣдѣнія во время войны въ наше время служитъ періодическая печать, представляемая во всѣхъ странахъ нѣсколькими тысячами органовъ и составляющая важный источникъ для военныхъ извѣстій.

Въ настоящее время особенно облегчаетъ полученія военныхъ свѣдѣній то обстоятельство, что почти у всѣхъ государствъ есть подданные, которые имѣютъ занятія на чужбинѣ и поэтому живутъ въ иностранныхъ государствахъ; при случаѣ ими возможно пользоваться,

если не для шпионства, то для добыванія тѣхъ или иныхъ военныхъ свѣдѣній.

Однако, для полученія постоянныхъ и полныхъ свѣдѣній всѣхъ этихъ средствъ не вполне достаточно; во многихъ отношеніяхъ они требуютъ дополненій, напримѣръ, когда дѣло идетъ или о конкретныхъ, требующихъ пониманія специалиста, задачахъ, или о предметахъ и сообщеніяхъ, которые могутъ быть получены только специально къ тому подготовленными, постоянными агентами.

Это въ особенности относится къ планамъ крѣпостей, проектамъ мобилизаціи, стратегическимъ диспозиціямъ, а также къ планамъ укрѣпленій, будь то большія полевыя укрѣпленія или дѣло, защищенныя переправы, форты, склады и т. д.

Еще сюда относятся и важныя нововведенія въ вооруженіи и снаряженіи войскъ.

Триумфомъ нѣмецкой осторожности въ этомъ отношеніи надо считать держаніе втайнѣ модели новаго скорострѣльнаго орудія, пока оно не было совершенно закончено и представлено кайзеру и, если не ошибаемся, иностраннымъ военнымъ агентамъ.

То же самое удалось и относительно Маузеровскаго магазиннаго ружья.

Только послѣ введенія его въ арміи одинъ экземпляръ былъ похищенъ изъ караула въ Шпандау агентами иностранной державы, переданнымъ офицеромъ.

БИСМАРКЪ ВЪ КАРРИКАТУРѢ.

„Остановитесь! Остановитесь!“

Памятная доска въ честь Бисмарка: Въ одномъ изъ зданій станціи, гдѣ прусскій министръ въ 1863 г. пробылъ довольно долго, мраморная доска должна быть положена съ слѣдующей надписью золотомъ:

З Д Ъ С Ъ.

Бисмаркъ удостоилъ, во время своего проѣзда, остановиться на два часа не по своей волѣ.

ВОЕННО ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ.

1.

Когда Тамерланъ одержалъ побѣду надъ Баязетомъ и взялъ его въ плѣнъ, онъ приказалъ привести къ себѣ плѣннаго турецкаго повелителя.

Баязеть былъ кривой и Тамерланъ, видя это, покатился со смѣха.

— Не смѣйся надъ моимъ несчастьемъ, Тимуръ, — сурово сказалъ ему Баязеть, — знай, что распредѣленіе удачи и неудачи зависитъ отъ Бога, и что съ тобой завтра же можетъ случиться то, что сегодня случилось со мной.

— Я и безъ тебя знаю, — отбѣдрилъ побѣдитель, — что Богъ раз-

даешь короны. Я вовсе не смѣюсь надъ твоимъ несчастьемъ, храни меня Богъ, но когда я на тебя поглядѣлъ, мнѣ пришло на мысль:

«Стоило-ли раздавать ихъ—кривому, какъ ты, да хрому, какъ я».

2.

Главнокомандующій венеціанскою арміею Альвіане, выступавшей противъ французскаго войска, бывшаго подъ предводительствомъ короля Людовика XII, былъ взятъ французами въ плѣнъ и отведенъ въ ихъ лагерь.

Людовикъ оказалъ ему всяческое вниманіе.

Но венеціанскій вождь, болѣе потрясенный своимъ военнымъ несчастьемъ, нежели растроганный любезностью и великодушіемъ побѣдителя, на всѣ любезности отвѣчалъ гордымъ и пренебрежительнымъ молчаніемъ.

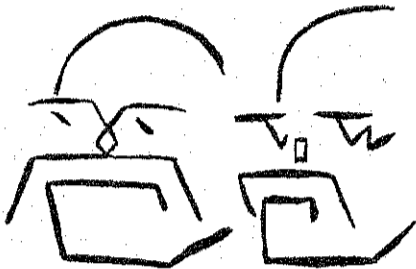
Людовикъ тогда отослалъ его къ другимъ плѣнникамъ.

— Надо оставить его въ покой, — говорилъ онъ при этомъ, — а то я, пожалуй, раздражусь и будетъ нехорошо. Его я побѣдилъ, надо, чтобъ я и себя сумѣлъ побѣдить.

3.

Карль Великій обычно самъ припечатывалъ свои указы головкою своего меча, гдѣ была награвирована его печать, и при этомъ часто говаривалъ:

БИСМАРКЪ ВЪ КАРРИКАТУРЪ.

Комическая маска. Трагическая.

— Вотъ мои указы!

А потомъ, показывая мечъ, прибавлялъ:

— А вотъ то, что заставитъ моихъ враговъ исполнять ихъ.

4.

Байяръ командовалъ гарнизономъ Мезіера въ то время, когда городъ осаждалъ Карль V.

Императоръ послалъ въ городъ требованіе о сдачѣ.

Байяръ, «рыцарь безъ страха и упрека», отвѣчалъ послу:

— Скажите вашему господину, что французскій гнѣдой (bayard — престолярное произношеніе слова bal, означающаго гнѣдой) не боится нѣмецкаго рыжого.

АНГЛИЧАНЕ ВЪ ИНДІИ.

(Изъ легендъ первыхъ попытокъ англичанъ утвердиться въ Индіи).

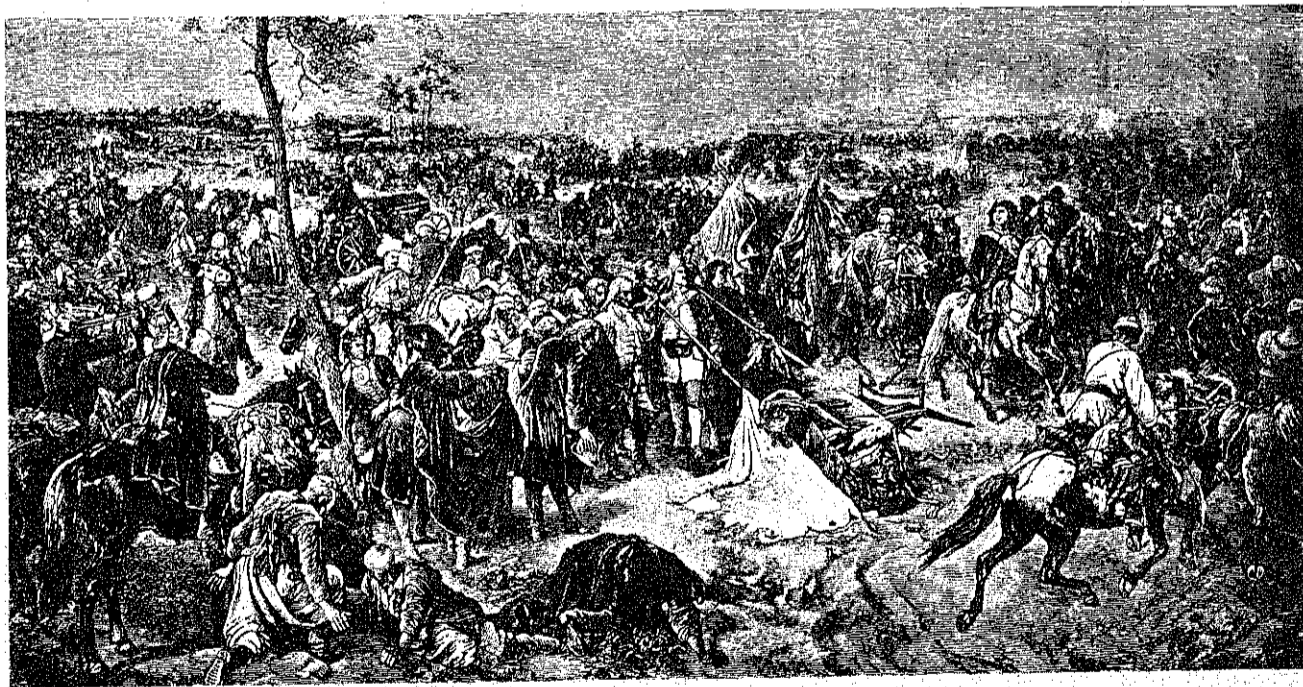
Первоначальнымъ дѣйствіемъ Остъ-Индской компаніи сильно мѣшали португальцы и голландцы, которые ранѣе утвердились въ Индіи, а потому въ 1619 году было рѣшено учредить постоянное англійское посольство при дворѣ великаго могола.

Для занятія этого отвѣтственнаго поста былъ избранъ компаніей и утвержденъ королемъ Яковомъ I сэръ Томасъ Ро, дневникъ и переписка котораго во время его посольства теперь изданы.

Хотя сэру Томасу Ро было тогда только 35 лѣтъ, но онъ уже пользовался извѣстностью, какъ адвокатъ, членъ парламента и путешественникъ, посѣтившій Гвіану и неизвѣстную въ то время рѣку Амазонку, а также какъ умный и блестящій свѣтскій человѣкъ, бывавшій не разъ во Франціи и находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ принцемъ Уэльскимъ и его сестрой, королевой Богемской, называвшей его всегда «честнымъ Томомъ».

Поэтому Остъ-Индская компанія не могла сдѣлать лучшаго выбора, и 2-го февраля 1615 года Ро отправился въ путь съ экспедиціей, состоящей изъ трехъ кораблей.

Хотя онъ являлся въ Индію предста-

Полтавское сраженіе. — Съ старинной картины профессора Коцебу.

вители не только торговой компании, но и английского короля, последний дал ему лишь подомочную грамоту к великому моголу, а жалованье в 600 фунтов в год и на расходы еще 500 фунтов выдавались ему компанией.

Полгода заняло одно путешествие до Сурата, а затѣм потребовалось почти столько же время и устранение разноты столько же времени на устранение различных затруднений, возбужденных губернатором этого города и двором великого могола, так что английский посланник был принят в торжественной аудиенции великим моголом, Іехангиромъ, в Аймерѣ, только 10 января слѣдующаго года.

Пріемъ былъ самый дружественный, и затѣм Ро часто видѣлся съ великим моголомъ, который, отличаясь страстью къ крѣпкимъ напиткамъ, предлагалъ ему различные вопросы о томъ, что онъ пилъ въ Англии, сколько разъ в день и какъ приготовлялись его любимые напитки.

Добродушный Іехангиръ всю жизнь проводилъ въ удовольствіяхъ, а управление имперіей предоставлялъ своей женьѣ, Нуръ Махаръ, болѣе известной подъ именемъ Нуръ-Яханъ (т. е. свѣтъ міра), ея брату Ассафу-Хану и своему любимому сыну, султану Курхаму.

Въ числѣ его излюбленныхъ препровождений времени было зрѣлище ученыхъ слоновъ, которые, по словамъ сэра Томаса Ро, дѣйствительно очень граціозно кланялись и присѣдали въ ихъ роскошныхъ пополахъ, усѣянныхъ драгоценными камнями.

Самъ великій моголъ питалъ большую слабость къ драгоценнымъ камнямъ и, осыпанный ими, любилъ вѣсить себя на вѣсахъ.

Англичанинъ рассказываетъ одну изъ такихъ церемоній.

Въ придворномъ саду на большой зеленой полянѣ красовались на эстрадѣ громадныя вѣсы, чашки которыхъ были изъ чистаго золота, и висѣли на золотыхъ цѣпяхъ, прикрѣпленныхъ къ такимъ же золотымъ столбамъ.

Все это было покрыто инкрустацией изъ драгоценныхъ камней.

Въ положенный часъ явился великій моголъ въ сопровожденіи блестящаго двора и въ такой роскошной, лучезарной одеждѣ, какой англичанинъ никогда не видѣлъ.

Онъ, положительно, весь былъ заманъ брильянтами, рубинами, топазами, сапфирами и жемчугами, которые до того сверкали и блестяли, что придавали его фигурѣ волшебный видъ.

Эти драгоценныя камни висѣли у него даже въ ушахъ, а всѣ пальцы его были усѣяны кольцами, по крайней мѣрѣ, по три на каждомъ и съ длинными золотыми цѣлочками.

Въ такомъ видѣ, онъ усѣлся, поджавъ подъ себя ноги, на одну изъ чашекъ вѣсовъ, а на другую слуги насыпали груду драгоценныхъ камней, золота и серебра.

Оказалось, что онъ вѣсилъ девять тысячъ рупій или тысячу фунтовъ стерлинговъ.

Кромѣ драгоценныхъ камней, Іехангиръ очень любилъ европейскія бездѣ-

лушки, музыкальныя ящики, будильники и т. д., но сэръ Томасъ Ро не запасся ими, и, желая хоть нѣсколько утѣшить разочарованнаго могола, онъ подарилъ ему хорошенькую миниатюру, изображавшую одну изъ лондонскихъ красавицъ.

Эта художественная вещь очень понравилась Іехангиру, но, поговоривъ со своими придворными живописцами, онъ сказалъ:

— Что вы дадите моему живописцу, если онъ сдѣлаетъ такую копию съ вашей миниатюры, что вы не отличите ее отъ оригинала?..

— Я дамъ ему 50 рупій, — отвѣчалъ посланникъ, — но великій моголъ нашелъ, что эта сумма мала, такъ какъ его живописецъ былъ благороднаго происхождения.

Тогда англичанинъ прибѣгнулъ къ хитрости и возразилъ: «Если ваша живописецъ не возьметъ моихъ денегъ, то ваше величество, конечно, сами вознаградите его достойнымъ образомъ за торжество національнаго искусства».

Дѣйствительно черезъ нѣсколько дней Іехангиръ показалъ сэру Томасу Ро пять совершенно одинаковыхъ миниатюръ, и послѣдній съ минуту колебался, чтобы указать на оригиналъ, хотя въ концѣ концовъ онъ его нашелъ.

Іехангиръ пришелъ въ такой восторгъ, что долго хохоталъ, громко хлопалъ въ ладоши и кричалъ, что у него при дворѣ четыре живописца работали также хорошо, какъ европейскіе художники.

У нашихъ друзей сербовъ. Обрядъ освященія скота въ сербской деревнѣ.

Остроуміе лейтенанта Фонъ-Кнотъ.

Послѣ одного кровопролитнѣйшаго сраженія, въ которомъ погибло много нѣмецкихъ офицеровъ — товарищей храбраго лейтенанта фонъ-Кнотъ, нѣкто спросилъ его:

— Что вы почувствовали, узнавъ про гибель вашихъ товарищей?

— И доблестный лейтенантъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ:

— Что, въ виду освободившихся вакансій, я теперь навѣрно буду произведенъ въ ротмистры.

Играли въ шарады, загадки и т. п. Дошла очередь загадыванія до лейтенанта фонъ-Кнотъ.

— Какая разница, — спросилъ онъ, — между лошадыю и земнымъ шаромъ?

Никто не могъ сказать.

— Очень проста! — отвѣтилъ тогда находчивый лейтенантъ. — Лошадь можетъ осѣдлать всякій дуракъ, а земной шаръ — только нѣмецкій.

И мгновенно всѣ прониклись гордостью къ своему нѣмецкому происхожденію.

НѢЖНЫЙ ПАПАША.

«Frankf. Zeit» приводит нѣсколько забавныхъ писемъ деревенскаго парня къ своей женѣ, которыя могутъ служить образцомъ лаконизма. Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ войны молодая солдатка получила всего лишь два письма. Первое гласило: «Дорогая жена! Я еще живу. Посылку я получилъ. Если мальчишка все еще шалитъ, то вздуй его еще разъ. Привѣтъ. Адольфъ».

Послѣ долгаго перерыва солдатка получила фотографическую карточку изъ Гейдельбергскаго лазарета. На груди у мужа висѣлъ желѣзный крестъ. На оборотѣ карточки написано было: «Дорогая Берта! Я былъ раненъ, теперь я снова здоровъ и завтра отправляюсь въ дорогу. Если мальчишка шалитъ, то отдери его за уши. Привѣтъ. Адольфъ».

Солдатка попросила мужа написать ей, по крайней мѣрѣ, при какихъ обстоятельствахъ онъ получилъ желѣзный крестъ. Отвѣтъ гласилъ: «Дорогая Берта! Съ желѣзнымъ крестомъ было очень просто. Меня позвалъ маіоръ, мнѣ пришлось стоять въ струнку, а фельдфебель надѣлъ мнѣ крестъ. Привѣтъ. Адольфъ».

«Приглашеніе на вальсъ».

Итальянецъ приглашаетъ:

«О, синьоръ, я жду!»

Но австріецъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, я не пойду. —

«Отчего жъ вы не пойдете,

Милый мой синьоръ?»

— О, mein Herr, въ австрійскомъ флотѣ

Робость — не позоръ!

«Вы надолго-ль скрылись въ Полу,

Робкій мой синьоръ?»

— Я окончилъ въ Килѣ школу,

То-то я хитеръ!

«Но, быть можетъ, вы прельститесь,

О, синьоръ, луной...

И, быть можетъ, согласитесь

Встрѣтиться со мной?»

— О, mein Herr, луна на небѣ,

Въ синей вышинѣ,

Ну, а мой (я знаю) жребій

Быть на влажномъ днѣ!

ИЗЪ ПРОШЛЫХЪ ВОЙНЪ. Во время осады турками Вѣны графиня Црини взрываетъ пороховой погребъ.

«О, синьоръ! Я канонады
Не открою громъ.

Я ночная серенады
Вамъ спою тайкомъ!»

— Нѣтъ, mein Herr, нѣмая Пола

Спитъ, покой храня,

И ночная баркаролла

Не прельститъ меня!

«Выходите же, тедеско,

На морской просторъ.

Тишина. Не слышно плеска,

Блещетъ звѣздъ узоръ...»

— Нѣтъ, mein Herr, туманъ клубится,

Ночь сыра, свѣжа.

Не могу я въ путь пуститься,

Жизнью дорожа....

«Да, я вижу, вы — вояка,

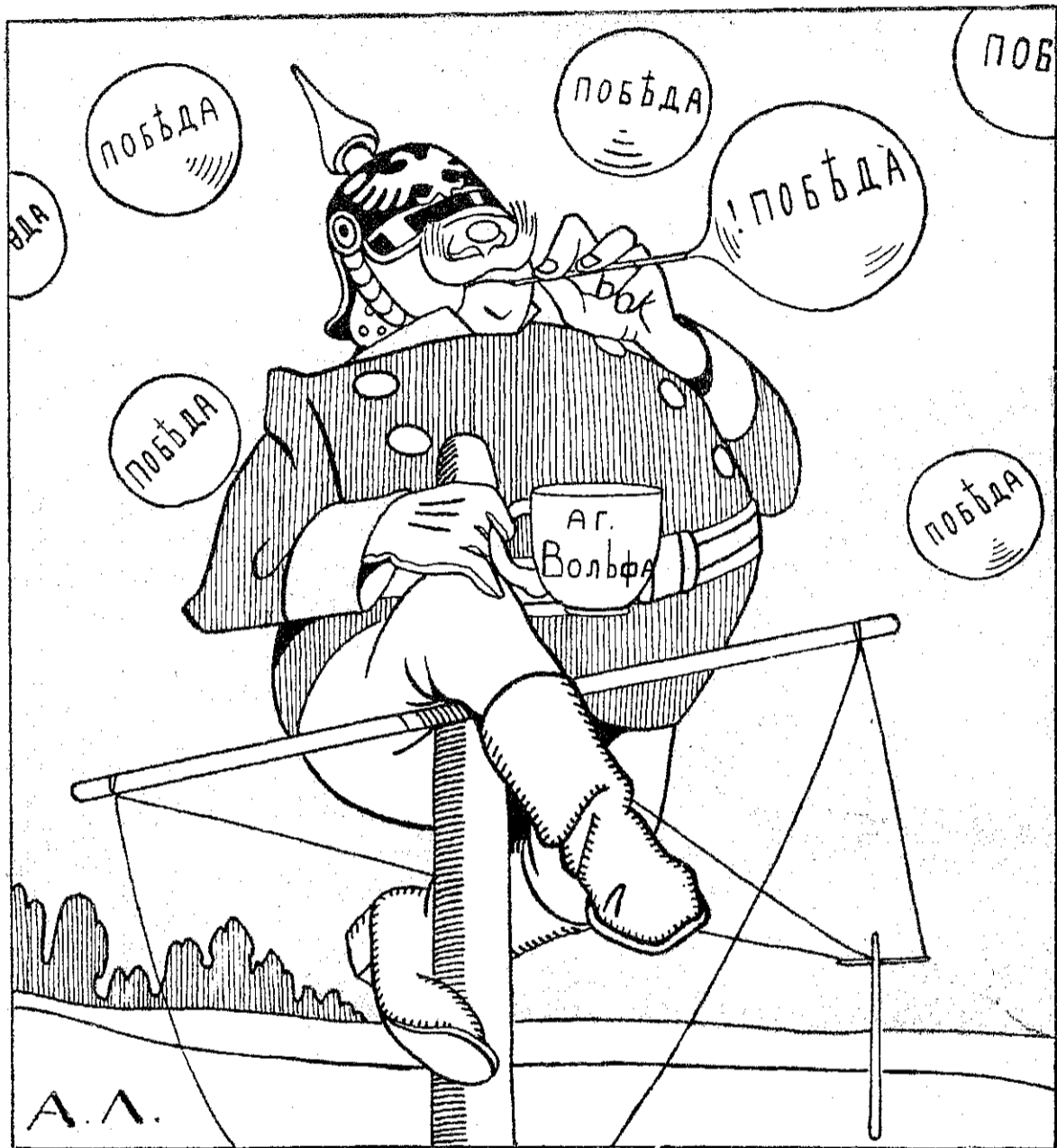
Доблестный синьоръ!»

— О, mein Herr, для австріяка

Робость — не позоръ!

УЭЛЛЕРЪ.

(«П. К.»).

Телеграфъ беспроволочный и безсовѣстный.

„20-й ВЪКЪ“

**ЧИТАЙТЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО! ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ
СПЕЦІАЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ НОМЕРЫ ЖУРНАЛА.
Военные рассказы, очерки, рисунки, картины,
корреспонденции и т. д. Цѣна 6 коп.**